

Кажется, уже все сказано об интеллигенции, об интеллигентности и той роли, которую они призваны играть в жизни нашего общества. Сегодня — в особенности. Но почему-то дискуссии на эту тему не прекращаются. Порой ловишь себя на мысли: а был ли мальчик? Наверное, все-таки был. Тогда где он сейчас? Мальчик для битья? Не делающий погоды в нравственном климате? Или он все же, как «ежик в тумане», пробирается сквозь пелену, чтобы сделать погоду? Что он может, что он должен, интеллигент?

В дискуссии на эту, видимо, вечную тему сегодня принимает участие известный писатель, главный редактор журнала «Дружба народов» Вячеслав Пьецух.

— Вячеслав Алексеевич, вы можете назвать себя интеллигентом?

— Да.

— На вопрос: что вкладываете в это понятие, вы наверняка назовете некоторые чрезвычайно лестные его признаки, таким образом, как бы невольно подхваливая и себя. Тем не менее...

— Ну почему обязательно лестные? А рефлексия, например. Этот признак интеллигентности при определенных обстоятельствах лестным не назовешь. Но, с другой стороны, рефлексия есть следствие постоянного гармонического сосуществования с самим собой, постоянного диалога с самим собой, постоянного соотношения себя, своих мыслей и поступков с тем, что представляется тебе идеальным. Кроме того, интеллигентность подразумевает втягивающуюся в голову, очень стройную, практически неразрушимую иерархию ценностей. Плюс самообразование до гробовой доски.

Думаю, что интеллигентность — это не вопрос крови, то есть вряд ли это понятие генетического порядка. Видимо, тут имеет место определенное состояние духа, которое продуцирует следствия самого благородного направления. Это целый ряд наклонностей или, наоборот (прошу прощения за неологизм) — неспособность оскорбить, поднять руку на человека. Эта способность к неспособности мне представляется основной чертой, которая отличает интеллигента от прочих подвидов homo sapiens. Пристрастие к определенным видам занятий, которые выходят за рамки служебных, — это уже вопрос 27-й. Можно любить или не любить театр, можно быть заядлым читателем или читателем постольку поскольку... Хотя я все-таки более склоняюсь к тому, что чтение — это почти физиологическая потребность культурного, интеллигентного человека.

— Не может быть, чтобы вы ставили здесь знак равенства...

— Нет, конечно. Культурный человек — это понятие все-таки более узкое. Культурным может быть человек, который не знает, кто такой Шекспир, но твердо усвоил, что переходить дорогу нужно на зеленый сигнал светофора. Культура — это даже не базис, это дофундамент, нулевой цикл строительства интеллигентного человека, особенно в русском понимании этого слова. Хотя, помоему, только в русском понимании эта категория и существует.

— Сейчас часто можно услышать такой мотив: Россия как духовное пространство исчезает. Стало быть, исчезает и такое явление, как русская интеллигенция!

— Нет, я не исповедую эти, достаточно распространенные, апокалиптические настроения. Полагаю, что русский интеллигент есть существо неуничтожимое, уже неподверженное какому-либо альянсу со стороны властей предержащих. Это доказало 70-летнее иго большевиков: интеллигент, каким был, таким и остался. И даже если он остался не совсем таким, каким был, главное — он остался.

— Русская интеллигенция всегда была связана с традицией чтения толстых журналов. Сегодня журналы еле-еле живут, их уже мало кто читает. Вас не беспокоит, что процесс, если так можно выразиться, убьют может стать взаимосвязанным!

— Да нет, интеллигенция, как читала, так и читает. Русский интеллигент немислим без сердечной привязанности к литературному слову. Другое дело, что прежде, кроме интеллигенции, среди читателей числилась значительная масса культурных и околокультурных людей. Тех самых, что переходят дорогу на зеленый сигнал светофора. Дело в том, что эта культурная масса весьма подвержена добрым влияниям. Было, скажем, модно выписывать толстые журналы, ходить на Таганку и в Дом кино, а с другой стороны, запрещалось спекулировать редкоземельными элементами, и эти люди охотно подчинялись добрым русским традициям. Но, когда вдруг общество перестало требовать каких-то излишков добрых намерений, культурная масса легко отошла от того, чем была слава прежде.

— Куда отошла! На что переклонились!

— На зарабатывание денег, на приобретение известности, на политические игры. Возможно, многие нынешние нувориши, партийные бонзы в свое время были квалифицированными читателями, они сидели в каких-нибудь конторах, чинили карандаши и поглощали интересную литературу. А потом появилась возможность безнаказанно воровать и заниматься прочими забавными вещами — политикой, например.

— Вы не видите противоре-

Вячеслав Пьецух:

Способность к неспособности, или Сумасшествие как выход из положения

были в сказанном выше: они были подвержены добрым влияниям. Но почему же это доброе влияние оказало прямо противоположное воздействие!

— Свобода всегда в России не к добру. Странный парадокс: в условиях тоталитарного общества культурная масса воспринимала благотворное влияние. В условиях свободного общества — всякое: и благотворное, и зловещее, но главным образом народ, помоему, демонстрирует независимость от всякого влияния извне. Мне трудно приискать здесь какое-то объяснение, потому что вообще ведь русская жизнь в корне иррациональна...

— Если среди партийных бонз вспомнить, скажем, про Жириновского, то ассоциативно выстраивается такая цепочка: фашизм — национализм — интеллигенция. Помните, на последнем съезде писателей СССР в 86-м очень многие республиканские литераторы, особенно украинские, начинали и заканчивали свои выступления тревожными размышлениями об отмирании национальных

традиций, языка, культуры. Не они ли невольно оказались первым звеном цепи, которая привела к дикому обострению национальных проблем, а в итоге — к национализму и фашизму!

— Этот факт отрицать невозможно. Действительно, националистическое движение, скажем, Украины было названо литераторами. Но я должен сказать, что украинский писатель и украинский читатель — это не одно и то же. Кстати, тираж «Дружбы народов» на четверть состоит именно из украинских читателей (правда, в этом году по вине службы распространения «Известий» наш журнал до Украины не дошел), читателей, которые верны тому, на чем держится журнал, — это укрепление союза между культурами, литературами. Так что украинские писатели выходят с одной платформой, а читатели — совсем с другой.

— А как же быть с традицией следовать за писательским словом!

— Прошли те времена, когда

писатель выступает в качестве борца, он — доверенное лицо мирового духа, как его называл Гегель.

— Что бы вы сказали в этой связи о Солженицыне!

— Видите ли... если представить себе генетический код как кольцо, а не как ленту, то, с точки зрения художника, всегда одного сегментика в этом кольце не хватает. И над заполнением этого сегментика эпохи века работает литература. Она нарабатывает тот значительный объем нравственного, духовного знания, без которого немислим человек. Цельное, законченное кольцо — это и есть человек. Человек, неспособный ко злу и склонный ко всяческому добру. Господь вложил в нас 99 процентов необходимого духовного знания и один процент незавершенности, пустоты. Этот процент — свобода. И человек свободы даже при том условии, что у многих он со временем заполняется змеиным ядом. Поэтому поэт, работающий не на завершение кольца, а на что-то другое, скажем, так... меньше, чем поэт.

— Да неужели в человеке

— Вячеслав Алексеевич, всегда ли интеллигенция находится в оппозиции к власти!

— Всегда. Всякий политический режим есть в той или иной степени диктатура людей недостаточно культурных. Хотя бы потому, что истинно интеллигентный человек не интересуется властью. Так было всегда, не только последние 70 лет (за недостатком времени воздержусь от экскурса в историю). Стало быть, интеллигент просто по определению находится в оппозиции к любому политическому режиму.

— Видите ли вы опасность фашистской диктатуры в России!

— Думаю, что это возможно по той простой причине, что ничего невозможного в России нет.

— В какой степени, на ваш взгляд, этой угрозе может противостоять интеллигенция!

— Да ведь те, кто способен проголосовать за фашистов, книг и газет серьезных не читают, они смотрят телевизор, а по телевидению фашисты говорят достаточно заманчивые вещи для дураков: евреев — к стенке, желтые — слуги, черные — рабы...

мого художественным талантом, быть в оппозиции означает просто целыми днями сидеть и смотреть в окошко. А художнику достаточно написать, что-де в человеке все должно быть прекрасно, и лицо, и одежда, и душа, и мысли, чтобы поставить под угрозу государственные устои. То есть оппозиционность писателя — это служение совершенно иного порядка, во всяком случае в России, каковую населяет по-прежнему самая высокообразованная в духовном отношении нация, хотя бы это определение касалось только ее элиты. Надеюсь, нас не перевоспитают убогие наше телевидение, пошлая реклама, идиотские викторины для простонародья. Вообще мы ребята стойкие, нас так просто с пути не сбьют.

— Очень рада вашему оптимизму. Хотелось бы еще поинтересоваться, в чем его истинные истоки. Вам нравится, как мы сейчас живем!

— В моем случае не бытие определяет сознание, а сознание — бытие, то есть мой отчасти благостный взгляд на вещи есть просто-напросто следствие моей природы, моего психического настроения, той жизни, которую творю я и которая происходит вокруг меня. Меня по-прежнему окружают люди (а круг моих знакомых широк до ненормальности) очень красивые, как правило, прекрасно образованные, как правило, интеллигенты и мастера своего дела, чем бы они ни занимались. Короче говоря, мне нравится, как я живу.

Что же касается того, «как мы сейчас живем», то я спокоен, даже с легкой внутренней улыбкой отношусь к любым переменам, потому что я знаю, что всякое развитие в России — это развитие от плохого к очень плохому, или наоборот. Как человек, как гражданин, я, конечно, чем-то возмущен, чему-то обрадован, что-то вгоняет меня в панику и тоску, а что то навеивает приятные чувства. Но я все-таки очень много живу сам в себе, и это, по-моему, хорошо. Конечно, раньше не стреляли на улицах, теперь стреляют, но это словно с другими людьми происходит, с другой страной. Хотя, черт его знает, завтра изуродуют случайно и совсем иная философия придет на ум. Все может быть. Но даже когда в октябре прошлого года в скверике за окном моего кабинета разорвалась ручная граната (один из боевиков сбросил ее с крыши), я воспринял это как кадр из плохого боевика. Веры в этой гранате не дал. Тут тоже, наверное, наблюдается своего рода сумасшествие. Но это сумасшествие прекрасное, и, может быть, в условиях современного человека, современного общества, современной России оно — выход из положения!

— У меня был хороший товарищ, впрочем, он и сейчас живет и где-то благоденствует. Телевизор он не смотрел по причине отсутствия оного, а вот книг хороших прочитал горы. Недавно узнаю, что на предстоящих выборах собирается голосовать за фашистов...

— Может быть, этот человек не фашизм имеет в виду, а какую-нибудь социал-демократическую блажь? Но также не исключаю, что у него червячок в голове завелся. Насколько подсказывает мне мой жизненный опыт, сумасшедших на улицах гораздо больше, чем в психиатрических клиниках.

— Вячеслав Алексеевич, вот вы сказали, что интеллигент всегда и по определению находится в оппозиции к власти. Истинный писатель не может не быть интеллигентом. В то же время писатель как художник не должен, на ваш взгляд, заниматься политикой. Но быть в оппозиции — не значит ли это уже быть вовлеченным в политическую деятельность!

— Для простого человека, которого Бог избавил от приятного сумасшествия, называ-

— Сколько угодно! Достаточно зайти в любую публичную библиотеку, чтобы понять, что не все молодые люди сидят в коммерческих киосках.

— У вас оптимистический взгляд на действительность. Рада бы согласиться с вами, но количество коммерческих киосков в соотношении с библиотеками не позволяет.

— Это, по-моему, не оптимистический взгляд, а вполне реальный. Ведь нация — все равно не все 180 млн. населения. Нация — это концентрация национального духа в определенном числе людей и в определенных личностных категориях. Для меня русский — совсем не тот, кто на свадьбе обряжается в женское платье и орет дурным голосом матерные частушки. Для меня честь, совесть и будущее нации заключаются в тех, кто, в частности, торчит сегодня по библиотекам.

— Да неужели в человеке

Беседу вела Е. ГРАНДОВА.

Фото В. Плотникова.